

Глава 16. В этой крови яд!

Фу Линцзюнь: ...

Кадык у него дрогнул, ресницы слегка затрепетали.

Замерев на миг, он резко прижал осмелевшего пушистого комочка ладонью, сплющив его в своей руке. Кончики ушей чуть покраснели. Сквозь стиснутые зубы он процедил:

— Смотрю, тебе и правда уже слишком хорошо.

И тут же запихнул Цзян Тана за пазуху, оставив снаружи только одну пушистую голову.

Цзян Тан: ?

Вот это поворот. Сам только что заставил его целовать, а теперь внезапно строит из себя ледышку?

Но обстановка в самой пропасти не позволяла им задерживаться здесь надолго.

Фу Линцзюнь почти исчерпал духовную силу, лишь бы временно подавить мстительные души в бездне. Он не хотел причинять им вреда, но они сами не желали его отпустить.

Серовато-белые души кружили вокруг, сновали и петляли, будто стая ядовитых змей, высматривающих добычу, угодившую в кольцо.

Цзян Тан боялся призраков до смерти и весь сжался, прячась у Фу Линцзюня под одеждой. Сквозь тонкую нижнюю рубаху он чувствовал тепло его груди и очень даже приятные на ощупь мышцы.

Он вовсе не нарочно их трогал. Просто уж раз оказался здесь, совсем не потрогать было бы как-то обидно... кхм.

Фу Линцзюню было не до воспитания бесстыжего комочка. Чтобы снова запечатать обезумевшие души, оставался только один путь.

Он прошёл через самое дно пропасти, до отказа набитое мстительными духами. Он думал, что вновь придётся прорываться через рвущую и кусающую толпу, но оказалось иначе. Духи, которые вроде бы больше всего на свете хотели разодрать его в клочья, при его приближении неохотно расступались, освобождая дорогу.

Так же, как светлячки всякий раз расступались перед ним в своём звёздном море.

Только сейчас они делали это вовсе не ради него.

Фу Линцзюнь опустил взгляд на белый комочек за пазухой. Когда тот только падал сюда, души вокруг тоже вели себя точно так же.

Словно им не хотелось причинять ему вред. И это нежелание каким-то образом даже подавляло безумную жажду убийства, охватившую мстительных духов.

Сам Цзян Тан о своей странной способности не догадывался и бессовестно продолжал пользоваться случаем, лапая его и всю пользуясь преимуществом положения.

Пройдя сквозь тьму, они вышли к открытому пространству на дне ущелья.

Это место до жути напоминало те жуткие достопримечательности из белых костей и призрачных огней, куда здоровяк уже водил его раньше. Вокруг во множестве лежали перепутанные кости, но середина оставалась свободной. Белые останки будто кольцами окружали центральную площадку.

По четырём сторонам света стояли четыре толстых каменных столба. Они были настолько высокими, что верха не было видно. Поверхность каждого сплошь покрывали сложные таинственные знаки тёмного цвета, похожие на давно засохшую кровь.

Хотя Цзян Тан каким-то чудом и начал понимать язык, эти жуткие закорючки всё равно оставались для него тарабарщиной. То ли это была совсем другая письменность, то ли он по-прежнему оставался неграмотным.

Они дошли до самого центра.

Там находился круглый каменный постамент, чуть ниже, чем столбы. И на нём тоже были те же таинственные символы. Только здесь их не рисовали — их вырезали ножом. Борозды были глубокими, и от самого верха до конца каждой линии всё это походило на сложную, переплетённую сеть русел.

Странно. Почему на дне этой пропасти спрятано такое место? Для чего оно вообще нужно?

Цзян Тан и правда читал часть «Дао в заточении», но проблема была в том, что типичная длинная мужская сянься-новелла была страшно водянистой. От момента, когда главный герой Сун Цзиньяо получил кость судьбы благого зверя и вопреки небесам изменил свою судьбу, до его похода по миру, полного мести за уничтоженный род, прокачки и поисков тайн тысячелетней давности — за все те пятьдесят с лишним глав, что Цзян Тан успел осилить, сюжет всё ещё топтался в первой же арке. То за сокровища бились и прокачивались, попутно

хвастаясь силой, то спасали красавиц и заводили с ними весьма дубовые романтические линии.

Короче говоря, пусть он и помнил часть оригинала, о том, как устроена долина Тяньбэй и что скрыто в запечатанном мире, он почти ничего не знал. Такие мелочи, наверное, даже автору было лень расписывать. Что уж говорить о читателе, который пробегал главы по диагонали.

Поэтому ему оставалось только молча ждать, что сделает Фу Линцзюнь.

Мстительные души вокруг по-прежнему непрерывно подстёгивало Благовоние Пылающей Души. Они должны были навеки остаться запечатанными в этой бездне, но уже вырвались наружу. Чтобы защитить их от полного рассеяния под действием благовония, Фу Линцзюнь уже потратил слишком много духовной силы. Теперь, чтобы снова запечатать их, у него оставался лишь один способ.

Он разрезал себе ладонь длинным глубоким порезом, сжал кулак и позволил крови капля за каплей стекать в узоры, вырезанные на круглом постаменте.

В ту секунду, когда кровь напитала знаки, от них поднялось слабое сияние.

— Что ты делаешь?

— Вместе в ад! Вместе в ад!

— Кровь! Мне нужна кровь! Много-много крови!

— Убей! Убей! Убей! Убей!

— Умрём вместе! Умрём вместе! Зачем тебе вообще жить?

— ...

Мстительные души разом ринулись на него.

Они смутно ощущали: как только этот массив запустится, свободы им больше не видать. Поэтому ярость их росла. Та крошечная жалость, которую они испытывали к благому зверю, перед свободой не стоила ничего.

Лезвия ветра, созданные душами, полетели с такой скоростью, что глаз едва мог уследить. Сначала вокруг тела Фу Линцзюня ещё держался тонкий слой чёрного тумана, дробивший приближающиеся удары. Но потом туман стал истончаться, и ветряные лезвия начали резать его одежду. Один раз, второй, третий... На чёрной ткани открывались бесчисленные прорехи, а по всему телу проступали тонкие порезы.

Когда-то это были тысяча триста двадцать шесть живых людей. Теперь они стали лишь мстительными духами, в которых остались только жажда убийства и ни крупицы разума. Не

желая вновь быть запечатанными, они с воем и яростью пытались поглотить Фу Линцзюня.

Он окинул взглядом одну за другой парящие души. Из ладони всё так же капала кровь, быстро заполняя все резные линии узора.

И тогда между четырьмя каменными столбами из-под земли медленно поднялось злобное красное сияние. Волосы Фу Линцзюня, чёрные, как крылья ворона, подхватил вихрь, закрутившийся снизу вверх. В следующий миг красный свет взвился в небо, превратился в гигантскую сеть и накрыл ею все беснующиеся, вышедшие из-под контроля души.

— А-а-а-а!

Если один пронзительный крик режет по ушам, то тысяча с лишним криков сразу вызывают тошноту.

Да. Именно тошноту. Цзян Тану показалось, что барабанные перепонки вот-вот лопнут. После превращения в зверька его чувства и без того стали острее прежнего, а значит, и слух сделался куда чувствительнее. И теперь, когда одновременно завопили больше тысячи духов, боль в ушах была такой, что его затошнило. Ему хотелось зарыться всей головой в грудь Фу Линцзюня.

Спасите, ему конец. Кто вообще сказал, что хороший слух — это преимущество?! Сейчас он всей душой мечтал оглохнуть!

Мстительные духи дружно опустились вниз. Потоки ледяной чёрной энергии хлынули со всех сторон, окутывая Цзян Тана. Его всего трясло, он уже почти терял сознание.

И тут две тёплые руки мягко прикрыли его длинные мягкие уши.

Призрачный вой исчез мгновенно.

Перед тем как ладони накрыли ему уши, Цзян Тану показалось, будто Фу Линцзюнь наклонился к нему и тихо сказал:

— Не бойся.

Весь мир внезапно стих.

Цзян Тан медленно открыл глаза и увидел прямо перед собой лицо Фу Линцзюня. Его волосы так же бешено металась, как и в том сне, где он сходил с ума, но глаза оставались чёрными, спокойными, твёрдыми. И от одного этого взгляда в душе Цзян Тана постепенно становилось тише.

Всё вокруг превратилось в немое кино.

Он видел, как мстительные души бьются и сопротивляются. Видел, как мощный ветер вздымает со дна пропасти песок и камни, превращая их в мутную пыльную бурю. Видел, как один из странных каменных столбов за спиной Фу Линцзюня начал дрожать, а потом медленно закружился вокруг центрального постамент. Видел, как души с огромной скоростью втягивает в формацию и как бы яростно они ни вырывались, всё без толку... Он видел многое, но не слышал ни звука.

Острая боль в барабанных перепонках понемногу отступала.

Они стояли очень близко.

Тёплое дыхание. Тепло ладоней. Мягкое, бережное давление на оба уха. Его и раньше уже бесчисленное количество раз трогали за уши и хвост, но именно сейчас уши словно налились странной электрической слабостью.

То ли потому, что слух был отрезан, другие ощущения обострились ещё сильнее.

Не трогай мои уши.

Ему ужасно хотелось сказать именно это. Впервые в жизни он понял, какие же у него чувствительные уши. Стоило Фу Линцзюню прикоснуться — и хотелось увернуться. Но вокруг ещё не смолк окончательно призрачный рёв, ладони на ушах прижимались крепко, и убирать их тот не собирался.

Четыре мягкие лапы дёрнулись в его объятиях. Цзян Тан хотел выбраться.

— Не двигайся, — сказал Фу Линцзюнь.

И Цзян Тан в ту же секунду послушно затих.

Только когда вокруг всё окончательно успокоилось, Фу Линцзюнь убрал руки с его ушей.

Теперь ветер в ущелье уже не походил на вопль духов. Он веял мягко, легко приподнимая чёрные волосы Фу Линцзюня. И от этого тот был так красив, что сердце заходило.

Цзян Тан встряхнул ушами, а потом, повернув голову, заметил на одном из своих длинных белых ушей алое пятно.

Э? Это что, у него перепонки лопнули и из ушей кровь пошла?

Кап. Кап.

На кончике уха крови становилось всё больше, и она быстро стекала вниз.

Цзян Тан страшно перепугался. Его кровь ведь дорогая. Совсем недавно он и так страдал от малокровия, а теперь ещё столько потерять! Это сколько же яиц надо съесть, чтобы всё восполнить?

И тут же с тоской понял: яиц-то у него сейчас всё равно нет.

Горевал он недолго. Вскоре до него дошло, что кровь, похоже, вовсе не его. На ухе она уже подсыхала, но звук капающей крови никуда не делся.

Так откуда же?

Он быстро огляделся и наконец увидел на ладони Фу Линцзюня ту самую страшную рану. Она ничуть не затягивалась. Кровь всё сочилась и сочилась, капля за каплей стекая вниз.

Цзян Тан вспомнил. В книге ведь говорилось, что телосложение у Фу Линцзюня было особенное. С одной стороны, он с рождения впитывал небесную и земную духовную энергию и рос в силу чудовищно быстро. С другой — его тело имело странную слабость. Не то чтобы он был хрупким и легкоранимым. Но если уж получал рану, заживала она крайне тяжело.

Наверное, такова была плата за мощь. Его раны не брали обычные пилюли. Любое повреждение сильно подрывало силы и требовало долгого восстановления — удобно, чтобы главный герой успевал без помех расти и качаться. У Цзян Тана были все основания подозревать, что автор просто не придумал другого способа ослабить такого злодея и потому насильно пришил ему этот дебафф.

С тех пор как он разобрался, куда попал, Цзян Тан уже почти догадался, кем является сам. Раз он встретил Фу Линцзюня именно в Гуанлине, значит, бежать он мог только из Цзэяна — того самого места, где находился главный герой Сун Цзиньяо.

В самом начале романа Сун Цзиньяо тяжело отравили паразитическим зверем Гу. Да, кровь благого зверя сняла яд, но вместе с ядом смыла и большую часть его духовной силы, а духовный корень был повреждён. И тогда отец Сун Цзиньяо вырвал у благого зверя кость судьбы, чтобы дать сыну возможность заново изменить свою участь.

Цзян Тан уже процентов на девяносто девять был уверен, что он и есть тот благой зверь, чья роль в книге заняла от силы три строчки.

Благой зверь — древнее божественное создание, существовавшее в романе почти как один огромный чит-код для главного героя. Всё в нём было сокровищем. Говорили, его тело

источает чудесный аромат: вдохнёшь — и душа успокаивается, а культивация идёт вдвое быстрее. Кровь могла снимать любые яды и даровала понимание языка всех существ. Кость судьбы могла заново сформировать духовный корень у культиватора, а то и буквально оживлять мёртвых и наращивать плоть на костях... Из-за того, что каждая его часть была бесценна, благих зверей ловили, выращивали и убивали. Их и так было мало, а потом они и вовсе будто исчезли.

Проверять все эти странные способности Цзян Тан, конечно, не собирался. Но одну можно было попробовать прямо сейчас.

Говорили, слюна благого зверя заживляет раны.

Ладонь Фу Линцзюня была разворочена, и рана даже не думала затягиваться.

Цзян Тан поставил передние лапы ему на ладонь, собираясь опробовать свою способность.

Фу Линцзюнь тут же прижал ладонью его не в меру деятельную голову.

— Не дёргайся, — снова приказал он.

Пушистая голова упрямо потянулась вперёд. Кажется, даже розовый язычок показался.

Фу Линцзюнь слегка дёрнул его за ухо:

— Сейчас нельзя целовать.

Кого целовать? Кто тут вообще собрался тебя целовать, извращенец чёртов!

Цзян Тан ругался про себя, но телом смиренно улёгся. И стоило Фу Линцзюню ослабить руку, как пушистая голова тут же шмыгнула вперёд и быстро лизнула рану на его ладони.

Влажное, мягкое, слегка щекотное ощущение разлилось по изрезанной, ноющей ладони. Фу Линцзюнь мгновенно заметил нападение зверька и должен был тут же его отдёрнуть. Но странное чувство от этого прикосновения заставило его замереть на долю секунды. И именно этой доли хватило, чтобы Цзян Тан как следует размазал слюну по ране.

Ничего не подозревающий Цзян Тан ещё и торжествовал: вот сейчас-то он всем покажет силу своего небесного навыка!

Он широко раскрыл глаза, желая увидеть, как подействует его способность. Но почему-то вместо того, чтобы залечить рану Фу Линцзюня, у него самого вдруг поплыл мир перед

глазами. Голова отяжелела, всё закачалось.

Плохо. Как же кружится голова. Ещё немного — и он отключится. Что это вообще с ним такое?

И уже перед самым обмороком он вдруг запоздало вспомнил одну очень важную вещь.

Чёрт! В крови Фу Линцзюня же яд!

<http://bllate.org/book/17032/1600275>